

XXXII.

КЪ ЛИЦИИЮ.
(Съ Латинскаго),

Лициній! зришь ли ты? на бысткой колесницѣ,
Увѣнчанъ лаврами, въ блестящей багрянице,
Спесиво развались, Вешулай молодой
Въ толпу народную лепиши по мостовой.
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ усердно спину
клоняшъ,
Какъ Ликторовъ подки народъ нещастный го-
няшъ,
Лѣстцевъ, Сенаторовъ, предлестницъ длинной
рядъ
Съ покорносѣю ему умилъный мещуръ взглядъ,
Ждуши въ шайномъ препечь улыбку, глаза
движенья,
Какъ будто дивнаго божества благословенъ;
И дѣти малыя и старцы съ сѣдиной
Стремяшися всѣ за нимъ и взоромъ и душой,
И даже слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнныи,
Какъ нѣкій памятникъ имъ кажется священный.

О Ромуловъ народъ! предъ кѣмъ ты паль во
прахъ?
Предъ кѣмъ возчувствовалъ въ душѣ споль низ-
кой страхъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились!
Кому жъ, о Небеса, кому поработились?

Скажуль, Лицинію! — Отчизнѣ спыдъ моей —
 Развратной юноша возсѣль въ совѣтъ мужей,
 Любимецъ деспота Сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ просперъ яремъ отечества безславицъ!
 Вешулай, Римлянъ Царь!... О срамъ! о времена!
 Или вселенная на гибель предана?

Но кто подъ портикомъ съ руками за спиною,
 Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою,
 Поникнувъ головой, нахмутившись идетъ?
 Не ошибаюсь я, Философъ то Даментъ.
 Даментъ! куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой
 Средь Рима нынаго бредешь своей дорогой?
 — Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу,
 Среди разврата жить ужъ болѣ не хочу;
 Япетовыхъ дѣлъ пороки, злобу вижу;
 Навѣкъ оставлю Римъ; я людства ненавижу.—

Лициній, добрый другъ! не лучше ли и намъ,
 Отдавъ поклонъ мечѣ, фортунѣ, суевіямъ,
 Сѣдаго Споика примѣромъ научиться?
 Не лучшель поскорѣй со градомъ распроснился,
 Гдѣ все на ошкуцѣ: законы, правота,
 И жены, и мужья, и честь, и красота?
 Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Другихъ неопытныхъ въ любовну ловилъ сѣть,
 Намъ спыдно слабости съ морщинами имѣть.
 Лепишь отъ спарика любовь въ шолцѣ весе-
 лий!...

Иускай безстыдной Клипъ, вельможей рабъ
Корнелій,

Оставя ложе сна съ запѣвшимъ пѣшухомъ,
Опъ знаныхъ къ богачамъ бѣгутъ изъ дома
въ домъ:

Я сердцемъ Римлянинъ, кипитъ въ груди свѣ-
бода,

Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній! поспѣшимъ далеко опъ забопъ,
Безумныхъ гордецовъ, обманчивыхъ красотъ,
Докучныхъ Ришоровъ, Парнасскихъ Героспра-
тловъ;

Въ деревню пренесемъ ощеческихъ Пенатовъ.
Въ пѣнистой рощицѣ, на берегу морскомъ
Найти не трудно намъ красивый, свѣплый домъ,
Гдѣ больше не спрашась народнаго волненія,
Подъ старостѣ опдохнемъ въ тиши уединенія,
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламеннымъ возженнымъ въ комелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню Пенрономъ, Ювеналомъ,
Въ гремящей сапирѣ порокъ изображу,
И нравы сихъ вѣковъ попомспіву обнажу. —

О Римъ! о гордый край разврата, злодѣянья,
Придетъ ужасный день, день мщенія, наказанья;
Предвижу грознаго величія конецъ,
Падетъ, падетъ во прахъ вселенный вѣнецъ!
Народы дикіе, сыны свирѣпой брані,
Войны ужасной мечъ пріявъ въ кровавы длані,

И горы и моря оставяшь за собой,
 И хлынушь на тебя кипящую рѣкой.
 Исчезнетъ Римъ — его покроешь мракъ глубокой,
 И путникъ, обративъ на груды камней око,
 Речешъ, задумавшись, въ мечтаньяхъ углубленъ:
 „Свободой Римъ возросъ — а рабствомъ по-
 губленъ!“

Ал. Пушкинъ.

XXXIII.

МЕНАЛКЪ и ДАМЕТЬ.

ЭЛОГИЯ.

Меналкъ.

Покоясь у ручья, подъ пѣнистю ивой,
 Пастухъ, мечтаешь ты въ безопасности щас-
 ливой

О радостяхъ твоихъ — овѣчкахъ, иль плодахъ,
 Блестящихъ для тебя на пышныхъ деревахъ;
 Мечтаешь, сладоспиной любовьюupoенный,
 О Сильвіи твоей ... а я, всего лишенный,
 Я горьки слезы лью о милой споронѣ,
 О сродникахъ, друзьяхъ! ...

Даметь.

Ахъ, не завидуй мнѣ,
 Меналкъ! и для меня давно ли дни ненастны
 (Тому лишь двѣ весны) перемѣнились въ ясны?
 И я сперва въ тоскѣ счипалъ недѣлей день;
 Искаль спокойствія — его лишь видѣлъ итѣнь.